

Вы «Отче наш» и трижды повторите». «Тс!» – Джон сказал. «Тс!» – Алисон сказала, И плотника волнение обуяло. Сидел он тихо, «Отче наш» читал И наступления потопа ждал. И скоро сон сковал его глубокий. Он позабыл запреты все и сроки И стал браниться, плакать и вздыхать И, вдрагивая, чан свой колыхать. Тогда тихонько шалуны спустились И до утра в кровати веселились, В той самой, где трудился ночью плотник, Хоть нерадивый часто был работник. И к утрени давно уж зазвонили, Псалмы монахи в церкви забубнили, И замерцали свечи алтаря, И на небе забрезжила заря. Но не смолкали в спальне поцелуи, И время провели они ликуя. А между тем бедняк Авессалом, Измученный томленьем, не трудом, В харчевне Оссенейской освежался, Где по секрету он осведомлялся, Когда подрядом занят плотник Джон. И от монаха вдруг услышал он, Что не был Джон ни нынче, ни в субботу. «Наверное, он взял еще работу, За дранью посылал его аббат, А с нею он воротится назад Дня через два или три, никак не раньше. Иль, может быть, сидит он дома. Дрань же Готовит Робин. А наверняка Сказать вам не могу про старика». Авессалом обрадовался очень, И счастье попытать решил он ночью. «С утра, – сказал он, – в доме никого. Должно быть, Робин попросил его На месте показать, как дрань готовят, И, значит, муженек меня не словит. Я ночью постучусь в окно их спальни, И повесть о моей любви печальной Я милой расскажу. Меня, как знать, Умилостивится поцеловать. Хоть это получу я в утешенье. Недаром у меня в губах свербенье, – Ведь это поцелуя верный знак. Потом под утро, то есть натошак, Меня во сне обедом угощали. Пойду усну, пика не помешали, Раз я собрался бодрствовать всю ночь». Когда петух, стремясь заре помочь, Лишь первый раз под утро кукарекнул И рог луны еще на небе меркнул, Авессалом проснулся, приоделся И в зеркальце еще раз погляделся.